

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели! С нами снова выдающийся исследователь литературы Светлана Николаевна Кайдаш-Лакшина и ее постоянная рубрика. Хотя веды получились не совсем женские, а может быть, совсем и не веды. Но из представленного материала точно ясно, что белорусы, украинцы и русские — это один народ.

БОРЬБА М. В. ЛОМОНОСОВА С АКАДЕМИКАМИ-НЕМЦАМИ

Споры о Древней Руси начались в русском обществе вскоре после смерти Петра I в 1725 году. Приехавшие в большом количестве иностран-

ные ученые, приглашенные русским правительством, немедля занялись вопросом о начальном происхождении русского народа. Так, Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738) в своем трактате о варягах по существу открыл норманнскую теорию, которая столько десятилетий потом волновала русское общество. Не согласившись с мнением известного дипломата и путеше-

ственника Герберштейна (1486–1566), который два раза побывал на Руси и утверждал, что варяги — это варяги, славянское племя из Голштинии, Байер пришел к выводу, что варяги были скандинавами и что соответственно первые русские князья были скандинавы. Правда, имя Синеус было явно славянское, но Байер этим пренебрег.

Его дело продолжил Герард Фридрих Миллер (1705–1783): он написал на латинском языке речь «О происхождении имени и народа российского», которую зачитал 6 сентября 1749 года. Против нее выступил М. В. Ломоносов (1711–1765). В. О. Ключевский пишет об этом: «Россия живет для самой себя и должна все делать своими руками. В этом сказалось сознание народной силы. Он хотел показать, что русская национальная гордость не случайное настроение какого-либо поколения, не имеющее почвы в истории. Русская история должна была обнаружить, что оно искони было присуще народу и проявилось его подвигами (Сочинения в 9 т. Т. VII. М., Мысль, 1989. С. 197).

Как всегда, Ключевский предупреждает: «Исторический закон — строгий дядька незрелых народов и бывает даже их палачом, когда их глупая детская строптивость переходит в безумную готовность к историческому самозабвению».

Ключевский приводит рассуждение историка С. М. Соловьева о неукротимой борьбе Ломоносова с немцами в Академии наук: «Истинным источником вражды было патриотическое негодование, какое возбуждалось в Ломоносове отношением академических немцев к делу просвещения в России. Петербургская академия наук была тогда немецкой колонией на Васильевском острове и на содержании русского народа. Немцы в ней хозяйничали и находили, что иначе и быть не могло и не должно. Они присвоили себе монополию научного знания в России и считали себя апостолами русского просвещения, убежденные, что русские сами без них, немцев, не способны вырабатывать научное знание и только от них могут воспринять просвещение, как соску от няньки. Они делали большую честь России, что получали от ее правительства свои оклады по контракту и производили ученые работы, которые оставались никому не известными в России, кроме академической канцелярии... Такое отношение немцев-академиков к русскому народу и просвещению до глубины души возмущало Ломоносова как ученая недобросовестность и как обида России. Наемных просветителей ее он иначе не называл, как неприятелями наук российских, гонителями российского просвещения» (Там же. С. 469–470). За «общую пользу» ратовал Ломоносов, как потом будет ратовать Чехов за «Общее Благо».

Со смертью Ломоносова борьба эта не кончилась, перешла в общество. «Скептицизму западников», по определению Ключевского, в XVIII веке противостояли *люборусы*. Сто лет спустя водоразделом станет борьба славянофилов и западников. Сейчас, когда славяне-поляки вновь, как и в XVII веке, стали открытыми врагами русских, нам более бы подошло определение *люборусы*, чем славянофилы.

Что же касается норманнского вопроса, то он постоянно вспухал в обществе даже тогда, когда к этому не было никаких оснований, когда животрепещущие актуальные проблемы нужно было решать немедленно и по существу.

Эта особенность русской жизни сохраняется и поныне. Вместо того чтобы обсуждать неотложности и необходимости для насущной жизни, мы устремляемся во времена *plus quam perfect* (лат. «давно прошедшее») и с жаром, достойным лучшего применения, мечем стрелы, например, в Октябрьскую революцию, всех, кто ее совершал или препятствовал ей, хотя революции совершались и во Франции (в большом количестве), Англии и Германии (раньше нас), и все там давно успокоились по этому поводу.

Недавно кто-то из греческих гостей, побывав у нас на телевизионном побоище, остроумно заметил, что сейчас исторические споры в России ведутся, как если бы греки стали обсуждать походы Александра Македонского и считать погибших во время его сражений.

19 марта 1860 года состоялся публичный диспут по норманнскому вопросу между историком Н. И. Костомаровым и историком, писателем М. П. Погодиным — за год до отмены крепостного права в России, ввиду предполагаемого юбилея 1000-летия образования Русского государства в 1862 году. За всеми этими хлопотами русское образованное научное общество проглядело и не придало особого значения крупному открытию, которое совершил на севере России «русский немец» (как его звали) Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872).

ОТКРЫТИЕ «РУССКОГО НЕМЦА»

Гильфердинг родился в Варшаве и был русским чиновником, однако не занимался казнокрадством и не приобретал недвижимости в Европе. По убеждениям был славянофил, дружил с А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым.

Рано начал заниматься наукой и написал труды «О сродстве языка славянского с санскритским» (1853), «История балтийских славян» (1855), «Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века» (1861), «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (1859).

Александр Федорович Гильфердинг

В 1856 году был назначен консулом в Боснию и Герцеговину на Балканы. Потом был переведен в Олонецкую губернию и там в свободное от службы время увлекся собиранием русских былин по деревням.

В Олонецком крае Гильфердинг записал с филологической точностью 318 былин — о киевском князе Владимире Красное Солнышко и о его богатырях — крестьянском сыне Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Чуриле Пленковиче, Садко, Василии Буслаеве, Святогоре. Они составили три тома — «Онежские былины, записанные летом 1871 года».

Надо вспомнить политическую хронику этих лет, как кипела и содрогалась от неверных представлений и действий государственной полиции, студенчества, чиновничества судебского и служивого, аристократов, купцов, интеллигенции, журналистов и юристов вся русская жизнь — с судебными процессами, пожарами и поджогами, убийствами, доносами, арестами, чтобы оценить историческую значимость сделанного Гильфердингом.

В это время народ, только что освобожденный после крепостного двухсотлетнего рабства (Соборное уложение 1649–1861, манифест царя Александра II), считался забытым и бедным до последней степени.

Политологи у нас в 1990-е годы любили покричать о «многовековом рабстве русского народа», но это было лишь следствием их невежества и предвзятости: ровно 212 лет.

Вспомним, что поляки в XVII веке пошли войной на Русь, сидели в Московском Кремле, и русский народ под водительством полководца князя Дмитрия

Михайловича Пожарского вместе с Кузьмой Захарьичем Мининым выгнал поляков и положил конец Смуте. Однако он был «вознагражден» государственным установлением крепостного права новой династией Романовых, а князя Д. М. Пожарского — Рюрикoviча — не подпустили к трону.

Романовы царствовали 305 лет (1613, Ипатьевский монастырь в Костроме — 1918, дом Ипатьева в Екатеринбурге). Мистическое кольцо.

Последние остатки крепостного права были уничтожены лишь в результате Октябрьской революции — нравится это кому-нибудь или не нравится.

Бесконечные дебаты, как спасти народ, пребывающий-де в полной темноте и невежестве, как его *переделать* на европейский лад, чтобы отучить его от православия, с которым Петр I повел успешную борьбу и даже отменил патриаршество, но рано умер, как заставить его жить на западный манер, думая не о Боге, а о выгоде, были очень популярны в русском обществе XIX века.

И вдруг оказалось, что в далеких северных краях России этот самый народ является в течение многих веков хранителем *исторической памяти народа*, той памяти, что важнее исторических документов. Невроятное событие, которое по существу никто не заметил, никто не оценил и из которого никто не сделал настоящих и должных выводов. Собственно, никто не понял, что *это означает*.

Предисловием к изданию былин в трех томах Гильфердинг поставил свою статью «Олонецкая губерния и ее рапсоды», где впервые показал метод изучения репертуара отдельных сказителей и их личной творческой одаренности. Мы не знаем, кем был Гомер античности, а тут Гомеры живут в деревнях, на вид являются крестьянами и «сказывают» в стихах о событиях 800–900-летней давности... Но общество, занятое политическими страстями, не оценило явленного чуда, не сумело поставить вопросов, которые надлежало бы разрешить. Впрочем, они дожидаются нас и поныне.

В период подготовки былин к изданию Гильфердинг избирался в адъюнкты Академии наук, но был забаллотирован, и поэт Федор Иванович Тютчев посвятил этому событию стихотворение «А. Ф. Гильфердингу» (17 декабря 1869 года):

Спешу поздравить с неудачей:
Она — блистательный успех,
Для вас почетна наипаче
И назидательна для всех.

Что русским словом столько лет
Вы славно служите России,
Про это знает целый свет,
Не знают немцы лишь родные.

Ах нет, то знают и они;
И что в славянском вражьем мире
Вы совершили — вы один, —
Все ведают, et inde irae!

Во всем обширном этом крае
Они встречали вас не раз,
В Балканах, Чехах, на Дунае —
Везде, везде встречали вас.

И как же мог бы без измены,
Высокодоблестный досель,
В академические стены,
В заветную их цитадель,

Казною русской содержимый,
Для этих славных оборон,
Вас, вас впустить — непобедимый
Немецкий храбрый гарнизон?

Вскоре Гильфердинг безвременно скончался в Олонецкой земле.

Разумеется, он был не единственным открывателем русских былин.

Павел Николаевич Рыбников (1831–1885) за участие в студенческих революционных беспорядках был сослан в Олонецкий край, служил в канцелярии губернатора, потом чиновником, дослужился до вице-губернатора, стал собирать фольклор и печатал свои находки с 1859 года в губернской газете. Он записал 224 былины, «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» вышли в четырех томах (1861–1867).

«Древние русские стихотворения» Кириши Данилова начали выходить с 1804 года (1818, 1878), собирал русский фольклор и Петр Васильевич Киреевский (1808–1856). Собранные им народные песни вышли в трех частях, десяти выпусках (1860–1874).

Это был *третий путь* — помимо тех, которыми следовали славянофилы и западники, но никто почти им не воспользовался и даже не разглядел новой дороги.

ГДЕ СОХРАНЯЛИСЬ РУССКИЕ БЫЛИНЫ?

Парадокс, почему былины киевского цикла хранились на русском Севере, не объяснен научно до сих пор. Высказано несколько гипотез, в том числе одна объясняет это тем, что после штурма Киева и его разграбления и сожжения татаро-монголами в декабре 1240 года уцелевшие жители спасались бегством в дремучих лесах Севера Руси и туда унесли с собой былины.

Во всяком случае сейчас энциклопедии свидетельствуют: *былины не встречаются на Украине и в*

Белоруссии. В среднерусских, западных и южнорусских областях былины неизвестны или сохранились в отрывках. Несклько богаче былевым эпосом Поволжье. В песенной форме былины поются в южных казачьих районах, записывались в Сибири, на Алтае. В других местностях сделаны единичные записи. Былинныя богатства обнаружены в районах Заонежья, Пинеги, Мезени, Печоры, побережья Белого моря. «Это объясняется своеобразной историей, культурой и бытом населения русского Севера» (Краткая литературная энциклопедия. Т.1. 1962).

Однако в чем состоит это своеобразие, благодаря которому в этих краях сохранились столь древние сохранища, — «одно из самых замечательных явлений русской народной словесности», авторы не раскрывают.

В дореволюционном словаре Брокгауза и Ефрона указано, что в Московской губернии были записаны три былины, в Нижегородской — шесть, в Саратовской — десять, Симбирской — двадцать две, в Сибири — двадцать девять, Архангельской губернии — тридцать четыре, Олонецкой — около четырехсот!

Героями былин были *богатыри* (санскрит. baghathara) — обладающие удачей, счастьем, храбрые удалцы.

У старшего богатыря Святогора была сума с тягой земли. Микула Селянинович, Вольга Святославич, Дунай Иванович, Дон Иванович, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Илья Муромец, Соловей Будимирович, Иван Гостиный сын, Садко, Василий Буслав — все они были родом из разных земель. Многие служили у киевского князя Владимира по защите от поганых врагов.

Садко и Василий Буслав были из Великого Новгорода, Алеша Попович — из Ростова Великого, Илья Муромец — из города Муром (там до сих пор показывают остатки дубов, которые он корчевал), Чурила Пленкович — видимо, из Смоленска, крупного города Древней Руси (там до сих пор жива речка Чуриловка), Тимон Золотой пояс — из Рязани.

Дунай Иванович и Дон Иванович — олицетворение мощных рек. Алеша Попович упоминается в ростовской летописи XII века и ростовских сказаниях.

Добрыню Никитича сопоставляют с летописным Добрыней, дядей князя Владимира, который крестил Великий Новгород.

В Соловье Будимировиче видят иногда Олега Вещего. У всех разные отношения с князем Владимиром, и часто «образы богатырей противостоят княжескому боярскому Киеву» (Краткая литературная энциклопедия. Т. 1).

Князь Владимир ссорится с богатырями: Илью Муромца он называет «деревенщиной-засельщиной», Добрыню Никитича часто «сажает в погреб» — тюрьму князя. Но едва появляются вра-

ги — Идолище поганое и прочие, князь посылает за богатырями, и они без всяких упреков ему управляют с недругами. В былинах изображены «заставы богатырские», «богатыри на заставе», не пропускающие «поганых».

В этом состоит одна из важных черт русского менталитета. Этого не мог представить себе Гитлер: он не знал былин, не понимал, что там зашифрованы сокровеннейшие черты русского народа, который никогда не торгуется с обидевшей его властью, если родной земле грозит опасность. Поэтому Гитлер рассчитывал, что многие пострадавшие в чем-то от Советов примут его с объятиями. Возможно, он опирался на французский героический эпос «Песнь о Роланде» (Роланд погиб в 778 году) и испанский «Песни о моем Сиде» (ок. 1140), отличные в этом от русских былин, как западные рыцари отличались от русских богатырей.

Князь Владимир Святославич, внук княгини Ольги и князя Игоря, сын князя Святослава, разгромившего в 965 году Хазарию, которой платили дань многие земли Руси, отменил язычество и крестил Древнюю Русь. Он был реформатором всей древнерусской жизни, поэтому о нем слагались былины и песни, его личность и деяния рассматривались с разных сторон. Его любили, его осуждали, его воспевали, его упрекали, его бранили, его славил. Его помнили.

Вскоре было создано и знаменитое «Сказание о Борисе и Глебе» — его младших сыновьях, погибших в междоусобной, братоубийственной войне между сыновьями князя Владимира после его кончины.

ТУР ХЕЙЕРДАЛ В АЗОВЕ

Что было на землях нашей Древней Руси прежде, в первые века долгое время оставалось сокрытым. И вдруг неожиданный разворот событий и неожиданные открытия.

Личность Тура Хейердала (1914–2002), знаменитого норвежского путешественника, известна во всем мире, как и его прославленные странствия на плоту «Кон-Тики», на папирусной лодке «Ра» и на тростниковой «Тигрис», раскопки в Перу, на острове Пасха, на Канарских, Мальдивских островах. Но вот о его последнем увлечении нашим Азовом, о его сенсационных раскопках там вместе с нашими археологами и потрясающих научных открытиях, сделанных на основе этих раскопок, слышали до обидного мало.

Азов находится в дельте Дона, который в древности считался пограничной рекой между Европой и Азией и был конечным пунктом Великого шелкового пути из Китая. Товары сюда везли на верблюдах и ослах. А по другую сторону устья реки Дон располагался недавно раскопанный древнегреческий город Танаис, куда прибывали корабли греков и римлян и

Тур Хейердал в молодые годы

доставляли по Средиземному и Черному морям амфоры с вином и оливковым маслом, шелковые материи, украшения. Для того чтобы попасть из одного города в другой, нужно было переплыть реку, а это и сейчас непросто. Так и стояли они друг против друга на восточном и западном берегах Дона (в те времена он носил название Тана) как олицетворение Востока и Запада на азовской земле. И вот туда пришли археологи...

Знаменитый Генрих Шлиман (1822–1890) раскопал легендарную Трою, разрушенную, по преданию, в XII веке до н. э. вследствие Троянской войны. Ему удалось найти Трою, потому что он уверовал в подлинность событий, описанных Гомером в «Илиаде» и «Одиссее».

Тур Хейердал тоже был убежден, что собиратель скандинавского эпоса, поэт-скальд и историк, создатель «Эдды» исландец Снорри Стурлусон (1178–1241) был прав, когда утверждал в сагах «Круга земного», что донские степи вокруг дельты Дона являются родиной древних скандинавских богов и что прославленный город асов — высших германо-скандинавских богов — Асгард стоит на берегу Азовского моря.

Когда в Норвегии стало известно, что Тур Хейердал всерьез верит «басням» Стурлусона 800-летней давности, он подвергся настоящей травле в прессе. Никто не хотел воспринимать бога Одина смертным человеком, который жил на юге. Когда туда пришли римляне, Один как опытный военачальник и верховный жрец уводит подвижную часть своего народа вместе с жрецами и воинами на север и этим спасает его от гибели в изнуряющей борьбе с римлянами.

О раскопках в Азове Тур Хейердал мечтал давно, но начал осуществлять их слишком поздно — смерть их прервала. Но какое счастье, что они состоялись и сколько было всего найдено! Подобно Шлиману, он нашел то, что искал.

Тур Хейердал в беседах со своим единомышленником, участником раскопок в Азове, шведским историком и писателем рассказывает о том, как протекали его искания (Тур Хейердал. Пер Лиллистрем. В погоне за Одином. По следам нашего прошлого. М., 2008).

Хейердал считал, что Стурлусон, живший в далекой Исландии, пользовался погибшими потом греческими картами, потому что знал о греческом городе Танаисе в дельте Дона и о святилище древних асов на месте нынешнего Азова. Этого нельзя было выдумать — это надо было знать. Но из этого проистекало то, что «все северные короли происходят от беженца из Танаиса» у берегов Азовского моря.

Танаис был сожжен, и население его погибло от нашествия гуннов в 370 году. Один ушел на север и увел асов после вторжения римлян на Кавказ. Это было во время Митридатовых войн, когда царь Митридат (132–63 г. до н. э.) покончил с собой (63 г. до н. э.) во время последней войны с римлянами, узнав об измене сына. Могила его находится в Керчи. Митридата разбил Помпей.

Боспорское царство просуществовало у нас в Крыму около 900 лет со столицей Пантикапей (современная Керчь), куда входили греческие колонии — Феодосия, Горгиппия (современная Анапа) и др., — и было покорено Митридатом, присоединившим его к Понтийскому царству, куда входили Колхида, Приазовье, Малая Армения и пр. Богатое прошлое было у нашего Крыма и Приазовья.

Один со своими жрецами и войском от этих римлян «пустились в бегство на Север», где были «возведены в ранг богов гостеприимным конунгом све-ев Гюльви и аборигенами Севера. Так начинается у Снорри история норвежского королевского рода», — пишет Хейердал. Естественно, что это вызвало бурю возмущения в Норвегии.

«Прямо перед нами, — пишет Хейердал про Азов, — протекало восточное ответвление дельты Дона, по которому большие корабли и сегодня попадают в сердце России, до тех самых районов, где волок связывал все части Древнерусского государства во времена викингов. Наши российские и северные археологи знали, что уже в довикинговые времена реки использовались как торговые пути от Черного моря на юге до Белого на севере». Хейердал пишет о маршруте асов — «от Черного моря к Балтийскому по водным путям и через непроходимые российские леса. Как поясняет Снорри, путь лежал сначала на запад через Гардаруку

(а ведь именно так викинги называли Русь), а затем либо вдоль южнороссийского черноморского побережья и вверх по Днепру либо сразу вверх по Дону, а потом волоком, как это впоследствии делали викинги, следуя на юг по русским рекам». На Севере Один потом ставил курганы, как было на юге.

Известный историк Страбон родился на землях между Черным и Азовским морями и вырос в Крыму, его прадед предал Митридата и перешел на сторону римлян. Страбон описывает, как Митридат победил местные племена на замерзшем Меотийском болоте (так называли Азовское море) в конном сражении на льду.

Спустя триста лет германские племена готов двинулись с берегов Балтийского моря на юго-восток, откуда пришел Один, и захватили города Причерноморья около 260 года. Готы делились на остроготов (остготов) и вестготов (визиготов). Они поселились в низовьях Днестра и Днепра.

На территории будущей Древней Руси расположилось королевство остроготов (остготов) во главе с Германарихом (умер в 378 году). Границами королевства, видимо, служили реки Припять, Дон и Днестр. Германарих объединил готские племена, а также скифо-сарматов и славян. Как известно, М. В. Ломоносов считал, что русские происходят от скифов и сармат.

Король был побежден нашествием гуннов и предан своими военачальниками. Одному он решил отомстить и приказал жену его Сунильду (или Сванхильд) привязать к двум коням и пустить их вскачь. Она принадлежала к племени росомонов, которое академик Б. А. Рыбаков считал основой будущего русского народа. Тур Хейердал с ним согласен.

Смерть Сунильды (Сванхильд) описана в исландских сагах, и имя Германариха было популярно в Средневековье. Он был правителем, который сумел «объединить народы побережья Белого моря с жителями Причерноморья». После смерти Германариха королевство распалось, и часть остроготов (остготов) примкнула к гуннам, другая к римлянам — та, что ушла на запад. В 418 году они основали в Южной Галлии королевство с центром в Тулузе, потом завоевали большую часть Испании.

Хейердал считал понятным желание русского народа пригласить на царствование «трех братьев-варягов, чтобы установить мир и покой среди торговых людей. Так объединились норманны и росомоны».

Такое неожиданное разрешение получили стародавние споры о норманнской теории.

А вот новые споры, похоже, не удастся решить с помощью истории. Она в наши дни из науки стала новым видом мощной, почти атомной энергии, и никакие факты и доказательства не способны переменить силу ее излучения.